

© 1996 г. Э.М. БЕРЕГОВСКАЯ

**МОЛОДЕЖНЫЙ СЛЕНГ: ФОРМИРОВАНИЕ  
И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ**

Эту работу я посвящаю светлой памяти акад. Г.В. Степанова, который всячески поддерживал мой интерес к аргю в годы, когда эта тема многим казалась крамольной, невозможной для нашей лингвистики.

Русский молодежный сленг представляет собой интереснейший лингвистический феномен, бытование которого ограничено не только определенными возрастными рамками, как это ясно из самой его номинации, но и социальными, временными и пространственными рамками. Он бытует в среде городской учащейся молодежи – в отдельных более или менее замкнутых референтных группах.

Как все социальные диалекты, он представляет собой только лексикон, который питается соками общенационального языка, живет на его фонетической и грамматической почве.

Первым документом, где этот субязык (воспользуемся термином Ю.С. Скребнева) зафиксирован, являются "Очерки бурсы" Н.Г. Помяловского, которые описывают нравы и быт Петербургской духовной семинарии середины прошлого века. Е.Д. Поливанов вспоминает, что в годы его учения, которые пришлось на начало нашего века, среди его гимназических товарищей были в ходу разные специфические словечки: «Я помню, как нам во втором-третьем классе, например, в голову не приходило употребить в разговоре между собой слово "угостить": оно регулярно заменялось через "фундовать", "зафундовать"; вместо "предприятие" или "задуманный план" всегда говорилось "фидуция"; совершенно не употреблялось и слово "товарищ": надо было сказать "кулей"; "хороший товарищ" – "штрам кулей", и т.д. и т.д.» [Поливанов 1931а: 161].

Поток этой лексики никогда не иссякает полностью, он только временами мелеет, а в другие периоды становится полноводным. Это связано, разумеется, с историческим фоном, на котором развивается русский язык. Но связь эту нельзя трактовать слишком прямолинейно, объясняя заметное оживление и интенсивное словообразование в сленге только историческими катаклизмами. С начала века отмечены три бурные волны в развитии молодежного сленга. Первая датируется 20-ми годами, когда революция и гражданская война, разрушив до основания структуру общества, породили армию беспризорных, и речь учащихся подростков и молодежи, которая не была отделена от беспризорных непроходимыми перегородами, окрасилась множеством "блатных" словечек. Вторая волна приходится на 50-е годы, когда на улицы и танцплощадки городов вышли "стиляги". Появление третьей волны связано не с эпохой бурных событий, а с периодом застоя, когда удушливая атмосфера общественной жизни 70–80-х породила разные неформальные молодежные движения, и "хиппующие" молодые люди создали свой "системный" сленг как языковый жест противостояния официальной идеологии.

Русский молодежный сленг 70–80-х годов активно изучается [Копыленко 1976; Борисова-Лукашанец 1980, 1982; Дубровина 1980; Жураховская 1981; Мазурова 1988; Радзиховский, Мазурова 1989; Грачев, Гуров 1989; Волкова 1990; Лапова 1990; Троицкий 1990; Рожанский 1992; Стернин 1992; Щепанская 1992; Зайковская 1993

и др.]. Правда, надо отметить одну своеобразную особенность отечественных работ, посвященных этой теме; некоторые лингвисты, словно стыдясь, что взялись за исследование такого "недостойного", "низкого" предмета, начинают или кончают призывами к борьбе с ним и свое исследование оправдывают необходимостью глубоко изучить зло, чтобы знать, как лучше с ним бороться<sup>1</sup>. Такой подход представляется нам ненаучным: лингвист не может и не должен бороться с языком, задача лингвиста – исследовать его многообразие, в том числе и ненормативные проявления.

Для изучения молодежного сленга 70–80-х годов в нашем распоряжении есть три рода материалов: 1) дополняющие друг друга словарные списки, вышедшие в последнее десятилетие (как отдельные издания, так и лексиконы, которые включены в работы о молодежи и ее языке); 2) многочисленные материалы из газет и журналов, в языке которых появляется все больше сленгизмов; 3) лингвистические анкеты, заполненные информантами-носителями русского языка, которые представляют интересующую нас социально-возрастную группу.

Формирование словаря так называемого "системного" сленга происходит за счет тех же источников и средств, которые свойственны языку вообще и русскому в частности. Разница только в пропорциях и сочетаниях.

а) На первое место по продуктивности выходят **иноязычные заимствования**, причем почти исключительно англоязычные заимствования. Зафиксировано лишь два испанских (*загордиться* "растолстеть" и *фумарить* "курить"), два немецких (*бундеса*, *бундесовый* "немцы из ФРГ", "западногерманский" и *кинд* "ребенок") и одно финское (*юкс* "один рубль"). Этот способ органично сочетается с аффиксацией, так что слово сразу приходит в русифицированной форме. Как правило, это пародийно русифицированная форма – à la Mme Курдюкова: из *thank you* получается *сенька*, из *parents* "родители" – *пренты*, *пэренты* или *парента*, из *birthday* "день рождения" – *бёздник* или *бёзник* и т.п.

Появившись в таком гротескном облике, заимствованный сленгизм сразу активно вступает в систему словоизменения: *герла́* – *герлы́*, *герло́в*, *стрит* – *на стриту́*, *пэренты* – *с пэрента́ми*, *zipпер* "молния" – *zipперá*, *вайтбóвый* "белый" – *вайтбóвого*, *вайтбóвые*, *лукну́ть* "смотреть" – *лукни́*.

И сразу активно включается механизм деривации:

– *герла́*, *герле́нши*, *герли́ца*, *герлу́ха*, *герлу́шка*, *герло́вый*;  
– *дринк* (*дринч*) "спиртные напитки", *дринка́ч*, *дри́нкер*, *дринк-кома́нда*, *дринча́ть*, *дринка́ть*, *вы́дринкать*, *задри́нчить*, *удринча́ться*, *надри́нчаться*, *дринко́ванный*, *надри́нкованный*, *надри́нченный*, *дринкану́тый*;  
– *креза́*, *крези́-хаус*, *крезо́вник*, *крезу́шник*, *крейзу́ха* "психбольница", *крезану́тый*, *крезо́вый* "ненормальный", "экстраординарный";  
– *ка́нтри* "дача", *кантро́вый* "деревенский", "провинциальный", *кантру́шник*, *кантру́шница*.

Интересно отметить, что некоторые иноязычные слова, давно ассимилированные русским языком, как бы заново заимствуются в другом значении (а иногда и с другим ударением) и уже в этом значении образуют дериваты: *реко́рд* (*рекорда́*) "грампластинка" – *рекордо́вый* "пластиночный"; *ми́тинг* "встреча" – *смитингну́ться* "встретиться"; *ринг* "телефон" – *ринга́ть*, *рингану́ть* "позвонить по телефону", *рингу́шник* "записная книжка с номерами телефонов"; *спич* "разговор" – *спичи́ть*, *спича́ть* "разговаривать".

<sup>1</sup> Подобный пуризм по отношению к арго – не новость. Всюду, где есть арго, есть люди, которые его не приемлют, не понимая, что это гумус, необходимый живому, естественному языку для его нормального развития. Жан-Пьер Гудайе констатирует, например, противостояние французских "арготофилов" и "арготофобов" [Goudaillet 1991]. Но чтобы признаки арготофобии проявились у лингвистов, активно изучающих арго, – это явление совершенно исключительное.

б) **Аффиксация** как средство весьма продуктивна и с исконно русскими корнями: – *оттяг* "наслаждение", *оттягиваться* "получать наслаждение, предаваться веселью", *оттяжник* "человек, который любит предаваться веселью", *оттяжный* "дающий возможность повеселиться, приносящий наслаждение", – *приколоться* "обращать внимание; цепляться, насмехаться; увлекаться", *прикол* "то, над чем можно насмехаться, чем можно увлечься", *приколост*, *прикольщик* "тот, кто любит придирается, шутить над кем-либо", *прикольный* "забавный, интересный", *прикольно* "весело, оригинально".

Молодежный сленг обходится самыми стандартными суффиксами и префиксами. Например, большинство прилагательных, происходящих от английских корней, образованы с ударным суффиксом -ов-: *брендовый* "совершенно новый", *олдовый* "старый", *янговый* "молодой", *лонговый* "длинный", *френдловый* "принадлежащий другу", *прайсовый* "денежный", *лэфтовый* "левый", *еловый* "желтый", *хитовый* "популярный", *файновый* "хороший", *френчовый* "французский" и т.п.

Исключение составляет редкостный в системе русских формантов, которые используются при образовании имен нарицательных, суффикс *-лов-о*: *зависалово* "сильное увлечение", *глюкалово* "состояние галлюцинации", *стремалово* "ощущение опасности", *стебалово* "атмосфера, располагающая к шутке", *ширялово* "наркотик для укола", *гасилово* "драка", *мочилово* "избиение", *винтилово* "массовое задержание" [Рожанский 1992: 60].

в) Следующим мощным источником формирования лексического состава сленга является **метафорика**. Здесь и собственно метафоры (такие, как *киски* "узкие треугольные темные очки", *аквариум* или *обезьянник* "скамейка в милиции для задержанных", *струна* "игла от шприца", *колесо* "таблетка", *горшок* "мотошлем", *мочалка* "девушка", *мустанг* "вошь", *голяк* "полное отсутствие чего-либо", *гасить* "бить", *улетать* "испытывать восторг"), и метонимии (такие, как *волосатые* "хиппи", *корочки* "диплом").

Метонимии типа *стекло* "лекарства в ампулах, употребляемые как наркотики", *трава* "наркотики для курения", *пыхать* "курить наркотики", метафоры типа *дорога* "идущие подряд следы на вене от систематических уколов" носят эвфемистический характер, затушевывают негативную суть называемых денотатов.

В метафорике часто присутствует юмористическая трактовка означаемого<sup>2</sup>. В качестве примера назовем метонимии *соплевиц* "эфедрин, лекарство от насморка, которое используется как наркотическое средство", *лохматый* "лысый" или метафоры с иронической коннотацией *баскетболист* "человек маленького роста", *мерседес педальный* "велосипед".

По сравнению с тремя названными (иностранные заимствования, аффиксация и метафорика) удельный вес остальных источников формирования лексического фонда молодежного сленга незначителен:

г) **заимствование блатных арготизмов**: *беспредел* "полная свобода, разгул", *ксива* "документы", *клево* "хорошо", *мочить* "бить, убивать", *канать* "сгодиться";

д) **развитие полисемии**: *кинуть* – 1) украсть что-либо у кого-либо; 2) взять что-либо у кого-либо и не отдать; 3) смошенничать при совершении сделки; 4) не сдерживать обещание, обмануть;

– *ништяк* – 1) все в порядке! все хорошо! 2) это неважно! это несущественно! 3) неплохо, сносно; 4) великолепно; 5) пожалуйста; 6) ладно, договорились!

<sup>2</sup> Говоря о комическом, озорном характере арготической лексики, Д.С. Лихачев справедливо подчеркивает, что "остроумие арготического слова в значительной мере стерто и разменено в процессе длительного употребления. Это не шутка, а некоторый намек на шутку, не смешное, а знак смешного... Эмоция арготического слова точнее всего может быть определена как смешное в потенции" [Лихачев 1964].

е) **антономасня** (имя собственное как нарицательное): *левиса, луисы* "джинсы", *катюша, маруша, марфа* "наркотики", *машка, наташа* "девушка", *слушать мендельсона* "присутствовать на акте бракосочетания", *гнать муму* "врать";

ж) **синонимическая или антонимическая деривация** (один из компонентов фразеологизма заменяется близким или противоположным по значению словом общенационального языка или сленга): *забить косяк* "набить папиросу наркотиком для курения" → *заколотить косяк* → *приколотить косяк* → *прибить косяк*; *сесть на иглу* "начать регулярно использовать наркотики" → *подсесть на иглу* → *подсадить на иглу* "приучить кого-либо к употреблению наркотиков" → *подсадить на винт* → *подсадить на джеф* → *слезть с иглы* "перестать употреблять наркотики" → *соскочить с иглы* → *спрыгнуть с иглы*;

з) **усечение корней** (апокопа): *юг* "югослав", *транк* "транквилизатор", *фен* "фенамин";

и) **сложение корней**: *кайфолом, кайфоломицик* "человек, прерывающий своим действием состояние кайфа у других людей", *рингофон* "телефон", *чикфаер* "зажигалка";

к) **телескопия**: *мозжечокнутья* "сойти с ума" (от мозжечок + чокнутья), *ландафшиц* "учебник физики Ландау и Лифшица";

л) **универбизация** (стяжение): *академка* "академический отпуск", *линейка* "линейная алгебра", *автомат* "зачет, полученный автоматически";

м) **аббревиация**: *чмо* "дурак, тупица", *чмошный* "плохой" (от: человек морально опущенный), *клюха* "человек, сочувствующий хиппи, хиппи с небольшим стажем" (от: Клуб Любителей Хиппи), *зоя* "злюка" (от: змея особо ядовитая);

н) **замена слова паронимом** (так называемая фонетическая мимикрия): *салют* "солуган", *семочка* "семинар", *ракетчик* "рэкетир", *валя* "валюта", *шпора* "шпаргалка";

о) **каламбурная подстановка**: *бухарест* "молодежная вечеринка" (от: бух "спиртное"), *безбабье* "безденежье" (от: бабки "деньги"), *лоханка* "необеспеченная жизнь" (от: лох "глупый человек"), *чайковский* "чай", *белинский* "белый хлеб", *чернышевский* "черный хлеб";

п) **метатеза** (перестановка звуков или слогов): *футли* "туфли", *фаршик* "шарфик", *рукить* "курить", *сабо самой* "само собой".

р) **элептеза** (вставка звука или слога): *тачанка* "такси, машина" (от тачка), *шпалера* "высокий, худой человек" (от шпала).

Сводный словарь уже зафиксированных в различных публикациях сленгизмов насчитывает около 1000 единиц. Исследователи, занимающиеся молодежным сленгом, включают в сферу изучения возраст с 14–15 до 24–25 лет. Сравнение показывает, что лексикон разных референтных групп совпадает лишь отчасти. Наиболее развернутый лексикон у хиппи.

Попробуем очертить хотя бы приблизительно портрет типичного носителя сленга. Известны знаковые моменты в облике и поведении хиппи: у мужчин длинные волосы (недаром хиппи называют себя "волосатыми"). Молодые люди и девушки носят на шее мешочек с документами – "ксивник", а на руке бисерный браслет – "феньку", "фенечку". Все они путешествуют автостопом по "трассе", любят собираться в шумные сборища – "тусовки" и "сейшоны" – вечеринки, рок-концерты. Но настоящих странствующих хиппи, порвавших с родителями и не имеющих определенных занятий, в России совсем немного. Основная часть носителей сленга – это "хиппующие" старшеклассники и студенты. Газета "Вечерний Петербург" (6 октября 1992) описывает, например, двух таких юношей – Александра Турунова и Дениса Астахова. Зимой они слушают лекции в институте, сдают зачеты и экзамены, а летом, заранее составив маршрут, отправляются в путь с флейтой и гитарой. На "трассе" голосуют, но сразу предупреждают, что они студенты и денег у них нет. За услуги расплачиваются песнями. В городах ночуют на вокзалах. А если повезет, местные "хиппи"

дадут адрес "вписки" – квартиры, где можно остановиться. В такую квартиру "вписываются" иногда до десяти человек. К началу учебного года Денис и Александр возвращаются домой.

А. Запесоцкий и А. Файн в книге "Эта непонятная молодежь" [Запесоцкий, Файн 1990 : 53] рисуют другой портрет: девушка-филолог, закончила Ленинградский университет в 1986 г. Училась на вечернем, днем работала в библиотеке. Контактируя с массой людей, познакомилась с хиппи. Почувствовала, что их взгляды ей созвучны, быстро освоила их манеру общения, стала своей в их среде. Дипломную работу она писала по американскому сленгу. Ради собственного удовольствия составила "Словарь системного сленга", 3-ю редакцию которого А. Запесоцкий и А. Файн приводят в своей книге.

Еще один портрет, провинциальный: смоленская аспирантка из "глубинки". С первого курса серьезно занимается историей литературы. Речь вполне соответствует норме. На фольклорном фестивале обнаруживается вдруг, что девушка прекрасно владеет смоленским территориальным диалектом. А на межвузовской научной конференции, в перерыве между заседаниями, удивленный профессор случайно слышит, как его подопечная докладчица бойко болтает с коллегами из Москвы и других городов, уснащая свою речь живописными сленгизмами.

Надо четко представлять себе, что во всех случаях, когда мы встречаемся со сленгизмами не в словаре, а в живой речи, это речь не жаргонная, а лишь жаргонизированная – отдельные включения сленгизмов на фоне нейтральной или фамиллярной лексики. Самая насыщенная она у московских и петербургских хиппи. В речи молодых людей на периферии концентрация сленгизмов гораздо меньше. Вот характерный образчик, записанный в Смоленске: – *Слышь. Кэн, у тебя завтра шнурки в стакане будут? – Не-а. А что? – Может устроим дискач? – Идея классная, давай! – Вот я и говорю. А наши герлы будут? – Спрашиваешь! Только новые пласты приволоки. – Ну так! Мне фазер своих Битлов отстегнул. – Да ну? Можно полматраса съесть! – Ладно, покеда. Мне ещё домашку учить надо. А конспект я завтра у Ушастого сдеру.*

В сленге отражается образ жизни речевого коллектива, который его породил. Наиболее развитые семантические поля – "Человек" (с дифференциацией по полу, родственным отношениям, по профессии, по национальности), "Внешность", "Одежда", "Жилище", "Досуг" (вечеринка, музыка, выпивка, курение, наркотики).

С досугом, с местами молодежных сборищ в Москве и Петербурге связана и топонимика сленга: *Пушка* "площадь Пушкина", *Плешка* "институт им. Плеханова", *Урядник* "кинотеатр Ударник", *Карман* "подъезд дома № 39 на Арбате", *Лужа* "Лужники", *Сайгон (Сайг, Загон)* "кафе на углу Невского и Владимирского в Петербурге", *Казань* "Казанский собор", *Маяк* «вестибюль петербургской станции метро "Маяковская"».

Гораздо меньше сленгизмов, которые относятся к учению или работе молодежи.

Сленгизмы очень интенсивно просачиваются в язык прессы. Почти во всех материалах, где речь идет о жизни молодых, об их вкусах и интересах, об их праздниках и кумирах, содержатся сленгизмы в большей или меньшей концентрации. И не только в молодежной прессе – "Комсомольской правде", "Московском комсомольце", "Смене", "Авроре", "Собеседнике", "Студенческом меридиане" или газете "Я – молодой", но и в таких адресованных читателям всех возрастов популярных газетах, как "Вечерняя Москва", "Вечерний Петербург", "Куранты", "Аргументы и факты". Газеты – ценный источник, потому что они оперативно отражают сегодняшнее состояние языка. Распространенная сленговая лексика попадает в них очень быстро, и мы получаем возможность объективно судить об ее частотности. Основываясь на материалах прессы, мы составили список из 60 самых частотных сленгизмов: *бабки, бакс* "доллар", *балдеть* "веселиться, развлекаться", *ботан* "зубрила", *вписаться, вписка, врубаться* "понимать", *герла, глюки, кайф, качок* "культурист", *классный, клевый, колеса* "таблетки", *креза, крутой* "яркий, своеобразный, сложный", *крыша* "голова", *ломка*

"наркотическое похмелье", *мажор* "обыватель, примитивный, броско одетый человек", *маза* "возможность", *махаться* "драться", *машина* "шприц", *мент*, *ментовка* "отделение милиции", *ништяк*, *облом* "неудача, нежелание что-либо делать", *олдовый*, *пилл* "свои люди", *потрясный прикид* "модная одежда", *прикинутый* "модно одетый", *прикол*, *приколиться*, *пушка*, *разборка*, *рубать*, *снять* "познакомиться", *совковый*, *совок*, *стеб* "ирония, насмешка", *стремно* "страшно", *тачка*, *тащиться* "получать удовольствие", *телка*, *торчат* "веселиться", *трава*, *трасса*, *трахаться*, *тусоваться*, *тусовка*, *улетать*, *хайр* "волосы", *фенечка*, *фейс* "лицо", *хавать* "есть", *хиповый*, *чувак*, *чувиха*, *шпора*, *шузы* "обувь".

Этот источник позволяет также получить некоторые свидетельства эволюции молодежного сленга. Например, такое: «Отошли в прошлое "телки", "чувихи", "герлы". Теперь молодые люди называют девушек "тетки" или "пчелы". Если девушка странная или выпившая, то о ней могут сказать "отъехавшая". Молодых людей девушки соответственно называют "дядьки". Если молодой человек состоятельный, хорошо одетый ("упакованный", "прикинутый"), имеет машину ("тачку"), то о нем говорят: "Ну ты просто туз", – а также "крутой" или "нешуточный". Молодые люди бывают "повышенной крутизны", но попадаются и "подкрученные", то есть не очень "крутые". В свете вышесказанного стоит процитировать, наверное, ныне модную поговорку: "Круче тебя только яйца, выше тебя только звезды". Говоря друг о друге, молодые люди называют себя "чудаками" ("Мы тут с одним "чудаком" вчера ..."). Это небидное слово, синоним бывшего "чувака". Если собирается компания, то это называется "тусовка" или "сейшн". "Тусовка" может оказаться "парашливой", то есть неудачной, или удачной – "чумовой"» (МК. 1992. № 10).

Русский молодежный сленг клубится главным образом в Москве и Петербурге. Но какие-то его элементы доходят и до периферии, а некоторые и рождаются там. Лингвистическое анкетирование позволяет составить себе более или менее объективное представление об этом процессе. К анкетированию были привлечены 60 информантов-студентов Москвы, Смоленска, Иваново<sup>3</sup>. Мы использовали анкеты двух типов. В первую вошли 32 сленгизма, отобранные случайным образом из тех, что уже зафиксированы в разных публикациях. Задачей информантов было пояснить их значение, "перевести на русский язык". При выполнении этой задачи они обнаружили разную языковую компетенцию, разную степень понимания или непонимания. Одни просто не могли пояснить какое-нибудь слово, другие пытались вывести значение слова из этимологии (*фенечка* – подружка, *ботан* – ботаника, *тащиться* – идти), третьи совершенно правильно объяснили его нейтральным русским словом, а четвертые даже приводили сленговый синоним (например, *стеб* объяснили через *прикол*) или давали развернутый комментарий (*ботан* – все учит, сидит дома, сосредоточен на учебе). Среди предложенных в анкете слов оказались такие, которые хорошо знают как москвичи, так и смоляне или ивановцы: *качок*, *прикол*, *отфейсовать*, *тащиться*, *упакованный*. Но в целом процент семантизации оказался довольно низким. При обработке анкет мы разделили их на две группы: те, в которых правильно семантизировано больше половины слов, и те в которых семантизировано меньше половины. Результаты представлены в таблице 1.

Таблица 1

	Сильная семантизация	Слабая семантизация
Москва	65%	35%
Смоленск	20%	80%
Иваново	18%	82%

<sup>3</sup> Считаем приятным долгом выразить свою признательность В.А. Чесновицкой, которая существенно помогла нам в сборе материала.

Поэт Александр Смогул в интервью газете "Аргументы и факты" (январь 1993) на вопрос "Как ты относишься к сленгу?" ответил: «Я считаю, что язык – это нация. Но сейчас, даже если еще 85 организаций "Памяти" появится, они не способны спасти язык. Что это за язык – файфы, грины, герлы... Страна, где 80 процентов молодежи говорит на англизированном сленге и хочет уехать на Запад, – страна обреченная». Это очень типичное высказывание.

Наши данные красноречиво свидетельствуют о том, что подобного рода мнения не имеют под собой никаких оснований, со стороны молодежного сленга русскому языку ничего не угрожает.

Если первая анкета контролировала пассивное значение сленга, то вторая была направлена на выяснение, какими сленгизмами информанты оперируют более активно. Анкета предлагала список из 32 слов общенационального фонда, которые надо было "перевести на сленг" (задание формулировалось так: "Какие слова, кроме общепринятых, бытуют в Вашей среде для обозначения нижеследующих понятий?"). При анализе анкет выяснилось, что сленгизмы, бытующие в среде московских, смоленских и ивановских студентов, совпадают лишь частично. Покажем это на нескольких примерах, представленных в таблице 2.

Молодежный сленг попадает в городской фольклор. Это и распространенный жанр – пародирование классиков ("Кабы я была кингига – спичит ферстая герлица..."), и песня, и анекдот, построенный на каламбурах<sup>4</sup>.

Как экспрессивный элемент, образующий "стилистический слом" (термин Ю.М. Лотмана), сленг эффективно используется в микродозах и в прозе и в поэзии. Такое использование молодежного сленга в стилистических целях является, как заметила Дениза Франсуа, способом превратить его из достояния корпоративной группы во всеобщее достояние [François 1968 : 643].

Сленг – это универсалия. Многие черты роднят русский молодежный сленг со всяким аргю. Это, во-первых, его депрессивность: он весьма критически, иронически относится ко всему, что связано с давлением государственной машины. Здесь ощущается резко выраженный идеологический момент – "системный" сленг с самого своего возникновения противопоставляет себя не только старшему поколению, но прежде всего прогнившей насквозь официальной системе.

Второй чертой, которая роднит русский молодежный сленг со всяким аргю, является его воспаленная метафоричность. Е.Д. Поливанов очень метко назвал арготическое словообразование словотворчеством: "Здесь действительно мы встречаем не индивидуальную выдумку единого организующего приема, а в подлинном смысле слова широкое коллективное, а порой и широко разнообразное по приемам своим языковое творчество..." [Поливанов 1931б : 158–159].

Третья черта – это доминирование репрезентативной, а не коммуникативной и тем более не криптолигической функции. Именно репрезентативную функцию как организующую и важную в данном случае подчеркивал Е.Д. Поливанов, рассматривая жаргон школьников: «Когда ученик говорит "нафик" или "напсик" вместо "зачем", он ведь мыслит в качестве коммуницируемого комплекса идей не одно только переводное значение слова (т.е. значение "зачем" или "почему"), а еще кое-что. И если попробовать передать это "кое-что", то это окажется следующего приблизительно содержания мыслью <...> – мыслью, содержащей характеристику обоих участников языкового обмена (диалога): "Оба мы с тобой дескать, –

<sup>4</sup> Например, такой, в котором обыгрывается общеязыковое и сленговое значение слова *колесо* – "таблетка, используемая как наркотическое средство", и словосочетание *сидеть на травке* "курить анану": «Сидит на полянке ребенок, плачет горькими слезами. Подходит к нему наркоман и спрашивает: "Чего плачешь?" А мальчик ему и отвечает: – Колесо потерял. Наркоман извлекает тогда из кармана таблетку и протягивает ребенку. – Нет, у меня не такое было! – кричит ребенок. – Ну, тогда пойдем ко мне домой, у меня еще есть, – Не хочу! Я лучше на травке посижу. – Хорошо тебе ... на травке сидишь».

	Москва	Смоленск	Иваново
девушка	<i>герла</i> <i>девка</i> <i>киса</i> <i>мама</i> <i>маманна</i> <i>мать</i> <i>телка</i> <i>тетя</i> <i>чувиха</i>	<i>герла</i> <i>баба</i> <i>зеленая</i> <i>клава</i> <i>коза</i> <i>пацанка</i> <i>телка</i> <i>секолда</i> <i>чувиха</i>	<i>баба</i> <i>девка</i> <i>коза</i> <i>красавица</i>
хороший	<i>классный</i> <i>клевый</i> <i>крутой</i> <i>блдежный</i> <i>забойный</i> <i>прикольный</i>	<i>классный</i> <i>клевый</i> <i>крутой</i> <i>нормалек</i> <i>отпадный</i> <i>потрясный</i> <i>четкий</i> <i>чивный</i>	<i>классный</i> <i>клевый</i> <i>ништяк</i> <i>чумовой</i>
плохой, неприятный	<i>голимый</i>	<i>чмошный</i>	<i>фиговый</i> <i>холуевый</i> <i>форимачный</i> <i>мрачный</i> <i>левый</i>
умный	<i>ботан</i> <i>вундик</i> <i>основной</i>	<i>голова</i> <i>головастый</i> <i>профессор</i> <i>умняга</i>	<i>голова</i> <i>ботаник</i> <i>профессор</i> <i>залупа</i>
дурак, тупица, свихнувшийся	<i>даун</i> <i>козел</i> <i>крезанутый</i> <i>пробитый</i> <i>ицзанутый</i> <i>чю</i>	<i>повернутый</i> <i>чокнутый</i> <i>съехавший</i> <i>ицига</i> <i>ицзанутый</i> <i>ицик</i> <i>тормоз</i> <i>стыр</i> <i>дэбик</i> <i>гедеоновка</i>	<i>конь (ж.р. овца)</i> <i>чокнутый</i> <i>дебил</i> <i>дуб</i> <i>ицизофреник</i> <i>ицик</i> <i>холуй</i>
университет, институт	<i>икола</i> <i>универ</i>	<i>икола</i> <i>контора</i>	<i>икола</i> <i>контора</i> <i>заведение</i>
библиотека	<i>изба-читальня</i>	<i>библия</i> <i>библя</i> <i>дом просвета</i>	<i>библия</i>
общежитие	<i>общага</i>	<i>общага</i> <i>дом уюта</i>	<i>общага</i>
стипендия	<i>стипуха</i> <i>пенсия</i>	<i>стипуха</i> <i>стена</i>	<i>степуха</i>
шпаргалка	<i>шпора</i> <i>бомба</i> <i>гармошка</i>	<i>шпора</i> <i>бомба</i>	<i>шпора</i> <i>подкладуха</i>



	Москва	Смоленск	Иваново
оценка: 5	<i>пятак</i> <i>пятифан</i>	<i>пятак</i> <i>петрофан</i> <i>фай</i>	<i>пятак</i>
4	<i>четвертак</i>		<i>четверик</i>
3	<i>тройбан</i> <i>трайба</i>	<i>тройбан</i> <i>госоценка</i>	<i>тройбан</i>
2	<i>пара</i> <i>параши</i> <i>банан</i> <i>сладкая парочка</i>	<i>пара</i> <i>параши</i> <i>банан</i> <i>банка</i> <i>клюшка</i> <i>лебедь</i>	<i>пара</i>

хулиганы или вернее, играем в хулиганов» [Поливанов 1931а : 163]. Молодежный сленг – это пароль всех членов референтной группы.

И, наконец, четвертая особенность, характеризующая русский молодежный сленг как универсалию, особенность, которая связывает его с прочими арго и особенно со студенческим арго – французским, немецким, болгарским и другими, – это его л ю д и ч е с к а я н а п р а в л е н н о с т ь. Молодежный сленг – не просто способ творческого самовыражения, но и инструмент двойного остранения [Радзиховский, Мазурова 1989 : 136]. Если людическая функция, как показал Хейзинга в своей Homo Ludens, свойственна человеку вообще, то молодому человеку она свойственна тем более! Игровой принцип реализуется в массивной, гипертрофированной англизированной "системной" сленга, которая служит как бы коллективной маской, приемом карнализации. Это такой же регулярный игровой прием, как те, на которых строятся французский verlan или английский rhyming slang [Bachman, Basier 1984; Fauchard 1981].

Наше исследование показывает, что молодежному сленгу, как всякому арго и шпире – как всякому субъязыку, свойственна некоторая размытость границ. Вычленив его как замкнутую подсистему, как объект наблюдения можно только условно [Скребнев 1985 : 22–25]. Постепенное распространение молодежного сленга идет от центра к периферии, и на периферии он укореняется минимально.

Изучение и сравнение системы функциональных стилей разных языков приводит к выводу, что арго, как его ни называй – жаргон, сленг или социолект, – это не вредный паразитический нарост на теле языка, который "иссушает, загрязняет и вульгаризирует устную речь" того, кто им пользуется, а органическая и в какой-то мере, по видимому, необходимая часть этой системы. Она очень интересна для лингвиста: это та лаборатория, в которой все свойственные естественному языку процессы, не сдерживаемые давлением нормы, происходят во много раз быстрее и доступны непосредственному наблюдению. Что ж до "иссушающего" влияния молодежного жаргона, то надо заметить, что все социальные диалекты, в отличие от территориальных диалектов, никогда не бываю первым и единственным способом коммуникации для тех, кто ими пользуется. Молодежный сленг – это один из функциональных стилей, к которому прибегают носители языка с относительно высоким уровнем образования (его "англизированность" – веское тому доказательство) только в определенной ситуации общения. В других ситуациях они пользуются другими стратами шкалы стилей. Химики говорят, что грязь – это вещество не на своем месте (масляная краска на рукаве пиджака, чернозем на паркете). Пока молодежный сленг используется молодыми, когда они общаются между собой в непринужденной,

неофициальной обстановке, никакого "загрязнения" не происходит. То же касается и языка художественной литературы: когда сленгизмы входят в него как элементы речевой маски персонажа, это не вызывает никакого протеста, если делается с тактом и эстетически мотивированно.

#### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Борисова-Лукашанец Е.Г.* 1980 – Современный молодежный жаргон // *РР.* 1980. № 5.
- Борисова-Лукашанец Е.Г.* 1982 – Лексические заимствования и их нормативная оценка (на материалах молодежного жаргона 60–70 годов): Автореф. канд. дис. ... М., 1982.
- Волкова Н.В.* 1990 – Имя собственное и его производные в структуре молодежной жаргонной лексики и фразеологии // *Вісник Львівського ун-ту. Серія філолог.* Вып. 21. Львов, 1990.
- Грачев М.А., Гуров А.И.* 1989 – Словарь молодежных сленгов. Горький, 1989.
- Дубровина К.Н.* 1980 – Студенческий жаргон // *ФН.* 1980. № 1.
- Жураховская В.Д.* 1980 – Функционирование жаргонной лексики в современном русском языке // *Материалы XIX Всесоюз. студ. конф. "Студент и технический прогресс": Филология.* Новосибирск, 1981.
- Зайковская Т.В.* 1993 – Можно мозжечокнуть? Сабо самой! // *РР.* 1993. № 6.
- Запесоцкий А.С., Файн А.П.* 1990 – Эта непонятная молодежь. М., 1990.
- Копыленко М.М.* 1976 – О семантической природе молодежного жаргона // *Социолингвистические исследования.* М., 1976.
- Лапова Е.В.* 1990 – О молодежном жаргоне // *Русский язык.* Вып. 10. Минск, 1990.
- Лихачев Д.С.* 1964 – Арготические слова профессиональной речи // *Развитие грамматики и лексики современного русского языка.* М., 1964.
- Мазурова А.И.* 1988 – Словарь сленга, распространенного в среде неформальных молодежных объединений. М., 1988.
- Поливанов Е.Д.* 1931а – О блатном языке учащихся и о "славянском языке" революции // *За марксистское языкознание.* М., 1931.
- Поливанов Е.Д.* 1931б – Стук по блату // *За марксистское языкознание.* М., 1931.
- Радзиховский Л.А., Мазурова А.И.* 1989 – Сленг как инструмент остранения // *Язык и когнитивная деятельность.* М., 1989.
- Рожанский Ф.И.* 1992 – Сленг хиппи. СПб.-Париж, 1992.
- Скребнев Ю.М.* 1985 – Введение в коллоквиалистику. Саратов, 1985.
- Стернин И.А.* 1992 – Словарь молодежного жаргона. Воронеж, 1992.
- Троицкий А.П.* 1990 – Поп-лексикон. М., 1990.
- Шепанская Т.Б.* 1992 – Смеховой мир тусовки и проблема оформления групповых границ // *Школьный быт и фольклор.* Ч. 1. Учебные материалы по русскому фольклору. Таллин, 1992.
- Bachman Ch., Basier L.* 1984 – Le verlan: argot d'école ou langue des keums? // *Mots.*, P., 1984. № 8.
- Fauchard J.* 1981 – Rhyming slang: la rime et la frime // *Études anglaises.* P., 1981. 34. N 3.
- François D.* 1968 – Les argots // *Encyclopédie de la Pléiade.* V. XXV. Le langage. P., 1968.
- Goudailler J.-P.* 1991 – Argolâtrie et argotophobie // *Langue française. Parlures argotiques.* P., 1991. № 90.